

тие Роджера Бэкона осуществило себя в жизни и деле философа; именно поэтому оно было замечено недреманым оком церкви. Но точно так устроена и алхимия — синхронно-диахронный образ средневековья; инокультурно-культурное его бытие. Пришелец из иных культур — человек собственной, средневековой культуры. Сразу и слитно. Поэтому и правоверный. Поэтому же и еретик. Един в двух лицах: правоверный еретик — инокультурный пришелец. «Монодиалог» одной раздвоенной души. Человеческий образ алхимии. Алхимический образ средневекового человека. Обостренное разрешение диалога в замкнутом мире средневековой культуры на межкультурном пограничье — в Эпиллоге.

АЛХИМИЯ — «инобытие» культуры нового времени, или, осторожнее, культуры Ренессанса внутри средневековой культуры, предчувствие, предположение этой иной культуры. Странное, крамольное ее «инобытие». Она же — нормальное бытие средневековой культуры. Ее ярчайшее — и тоже странное — выявление.

Приближаюсь к концу — возвращаюсь к началу. В пределах алхимии, казалось бы, формируется соперничающий с богом, инокультурный, как будто возрожденческий тип личности, замкнутой, исполненной гордыни. На самом деле алхимик — лишь карикатура на послушливого христианина.

Как будто возрожденческий... Сослагательная оговорка здесь принципиальна. Предельная серьезность (ухмыляющаяся серьезность?) алхимического действия, истовая антиироничность (притворная антиироничность?) адепта герметического искусства, скованная по рукам и ногам свобода, ставшая карикатурной несвободой, лишенной изящества и пластичности ребячливой игры, делятся вне рефлексии, вне острашения самих себя, своего предмета⁴⁷. Безглазольное потогонное бездумие, пребывающее в остановленном времени. Единственная форма речений — это ночные — на крик или на шепот — заклинания. А личность? Лик и лицо слились, ставши недвижимой маской, вочеловечив центральную алхимическую мифологему трансмутации-оборотничества. Носящий маску — вернее, сросшийся с нею — алхимик засценнен, анонимен и потому вездесущ, вечен. Таким видел себя правоверный средневековый христианин, глядясь в кривое инокультурное зеркало алхимии. Не потому ли все алхимические трактаты всех десяти веков — «близнецы-братья»? Статика. Покой. Но такой покой, под коим «хаос шевелится». Хаос, ни мало не смущающий собственное алхимическое обиталище, зато готовый сокрушить твердыни магистрального средневековья. Преодоление вещественности — пафос алхимии. На гребне этого преодоления открывается безграничное небо. Но здесь начинается об-

⁴⁷ Неоплатонический герметизм александрийской поры, как и подобает всякому началу, лишь в малой степени соответствует этой характеристике. Степеней несвободы здесь куда меньше.